

Павильон Байлэ был самым известным увеселительным заведением в столичном квартале Люсян. На первом этаже возвышалась сцена, где каждую ночь выставляли напоказ разных красавцев с прейскурантом на видном месте. Когда группа людей прибыла, первый этаж уже был забит до отказа.

Янь Чэн попросил у мамашки Павильона Байлэ отдельный кабинет на втором этаже. Шедшие следом юноши были настолько знакомы с этим местом, что чувствовали себя здесь как дома; заказали с десяток мальчиков для утех и отправили их в кабинет, даже не переводя дух.

— Я ведь говорил тебе о семейных делах.

Янь Чэн отстал на шаг и подошел к Тао Сюэе. Глядя на юношей в откровенных одеждах, вливающих в кабинет, он злобно сверкнул на Тао Сюэе глазами.

— Что ты, Второй господин! Разве домашние цветы пахнут так же, как полевые? — Тао Сюэе покачал веером и, наклонившись к уху Янь Чэна, прошептал. — Я, конечно, пытался отговорить их, но кто из этой компании настоящий благородный господин? Твоя лавка тканей в столице сильно зависит от влиятельных семей. Отказать раз или два ещё можно, но если отказывать каждый раз, ты вообще сможешь продолжать дело?

Тао Сюэе сделал вид, что ему интересна обстановка кабинета, и усадив Янь Чэна в угол, стал наблюдать, как все окружили одного человека и расточают ему похвалы.

— Сегодня организатором встречи выступает двоюродный брат министра, который только в этом году удостоился милости императора. Сколько людей в столице мечтают зацепиться за эту высокую ветвь. Если ты сегодня перебеешь внимание хозяина, ничего страшного, но если ты не придешь на эту встречу, завтра лавке тканей клана Янь, боюсь, придется менять название.

Янь Чэн поднес к губам чашку с чаем, сделал глоток, а опуская руку, скрыл в глазах все эмоции.

— Брат Тао прав, ты учишь меня.

Тао Сюэе, устав от долгих речей, выпил чай залпом.

— К тому же, ты десятки лет плыл в разврате. Неужели думаешь, что сможешь так легко завязать? — Тао Сюэе поднял руку, прерывая Янь Чэна. — Не пытайся меня обмануть.

Блюда и вино подали на стол, и оба умолкли, углубившись в еду.

В Павильоне Байлэ Янь Чэн был завсегдатаем, но вот уже полгода он здесь не показывался. Сейчас сразу несколько юношей в полупрозрачном белом платье, подчеркивающим их изящные фигуры, подошли к нему, чтобы поить вином.

— Второй господин, Второй господин, вы так давно не приезжали, наверное, уже забыли раба.

Янь Чэн даже не успел открыть рот, как ему влили в рот чашку вина.

Спустя полчаса Янь Чэн был пьян на восемь или девять десятых.

Он обхватил тонкую талию юноши рядом и стал тянуться губами к его лицу, но, почувствовав резкий запах дешевой пудры, его вдруг затошнило.

Янь Чэн тряхнул головой. Жар внутри тела накатывал волнами, и только тут он вдруг осознал, что его подпоили афродизиаком.

Мгновенно холодея, он отшвырнул юношу, которого держал в объятиях.

Тао Сюэ заметил, что что-то не так, поспешил поднять Янь Чэна и, обратившись к сидящим за столом, извинился:

— Второй господин сегодня плохо переносит алкоголь, я сначала уведу его, а в другой день устроим пир в извинение.

Все были в разгаре веселья, просто махнули рукой и отпустили их.

Янь Чэн шел, шатаясь, и чуть не опрокинул Тао Сюэ на землю. Они кое-как продвинулись вперед несколько метров, прежде чем смогли устоять.

— Мой хороший Второй господин, куда же вы идете?

Янь Чэн был уже не в своем уме, помнил только сладкий аромат медовой османтуса, который ежедневно окружал его, и, шепелявя, сказал, что хочет домой.

У входа в переулочек они наняли повозку и под лунным светом отправились в дом семьи Янь.

Сун Цзиньшу, волновавшийся за Янь Чэна, уже ждал у ворот особняка. Увидев, что его выносят из повозки, он поспешил вперед и поддержал Янь Чэна.

Аромат османтуса ударил в нос Янь Чэна, и он, кусая и целуя, прильнул к шее Сун Цзиньшу, его горячее дыхание обжигало, и Сун Цзиньшу с трудом удерживал его.

— У маленькой жены такой вкусный запах, даже лучше, чем у моей жены дома.

Лицо Сун Цзиньшу мгновенно побелело, руки, поддерживающие Янь Чэна, задрожали. Он поблагодарил Тао Сюэ и, вместе со слугами, повел Янь Чэна в дом.

Янь Чэн был пьян без сознания; дойдя до маленькой беседки, он отказался идти дальше и стал рвать одежду на Сун Цзиньшу. Сун Цзиньшу не мог противостоять ему, его воротник был растянут, обнажая фарфорово-белое плечо, и тело содрогнулось.

Янь Чэн поднял голову и яростно прогнал слуг, затем снова уткнулся в плечо Сун Цзиньшу, причмокивание слюны было особенно громким в ночной тишине. Половина тела Сун Цзиньшу заледенела, потеряв равновесие, он упал вместе с Янь Чэном в беседке, черные волосы, словно вороново крыло, рассыпались по земле.

В марте погода еще не потеплела, в воздухе стоял пронизывающий холод. Запястье Сун Цзиньшу было грубо сжато Янь Чэном и поднято вверх, ударившись о каменную скамью.

Сун Цзиньшу застонал от боли, пытаясь вырваться из оков Янь Чэна, но его конечности были прижаты к земле, запах вина смешивался с горячим дыханием, бьющим в шею, окрашивая её в ярко-красный цвет.

— Нет, не надо!

Его нижнее белье было стянуто Янь Чэном, две длинные гладкие ноги оказались на холодном воздухе, вызывая мелкую дрожь по телу, а круглые пальцы ног поджались, испачкавшись в

земле.

Янь Чэн был полностью поглощен сладким ароматом османтуса, исходящим от Сун Цзиньшу, таким сладким, что казалось, будто он может тянуться нитями в воздухе. Он увлекся хрупкой шеей Сун Цзиньшу, оставляя на ней один за другим следы зубов, как щенок, метящий территорию.

— У маленькой жены такой сладкий вкус, даже лучше, чем у мальчиков для утех в Павильоне Байлэ.

Янь Чэн днем сказал только, что идет пить с друзьями, и Сун Цзиньшу сейчас только узнал, что вся компания отправилась в Павильон Байлэ. В желудке застоялась кислота.

Он изо всех сил пытался оттолкнуть Янь Чэна, но пьяный Второй господин был как тряпка, без сил наваливаясь на Сун Цзиньшу.

Янь Чэн становился всё наглее, пальцы проникли в скрытое место, вытащив блестящую серебряную нить, и он вызывающе посмотрел на Сун Цзиньшу.

— Маленькая жена мокрая.

Сун Цзиньшу был охвачен стыдом, отвернул голову, ряд блестящих слез скатился из глаз в землю, став удобрением.

Он прикусил нижнюю губу до крови, словно наказывая свое тело, так легко возбуждающееся: стоило Янь Чэну слегка дразнить, и он всегда сдавался.

С тропинки послышались смех и болтовня служанок — это группа девушек, получивших жалованье и собиравшихся по комнатам, обсуждая поход на рынок, направлялась к беседке.

Увидев, что Сун Цзиньшу больше не сопротивляется, Янь Чэн притянул его к себе и ввел свой раскаленный стержень в мягкую плоть, поглощающую его.

Сун Цзиньшу вскрикнул от боли, слыша всё приближающиеся голоса, голова гудела, желудок судорожно спазмировался. Стиснув зубы, он изо всех сил ударил Янь Чэна по лицу.

Звук пощечины был особенно четким в тишине ночи, разговоры вдали также резко оборвались, те несколько служанок переглянулись и не решились идти дальше.

Янь Чэн был отрезвлен этим ударом, опустив голову, он увидел Сун Цзиньшу, лежащего на боку и срыгивающим кислотой, вспомнил подлость, которую только что совершил.

— Цзиньшу, я...

Янь Чэн хотел помочь ему, пальцы только коснулись обнаженного плеча Сун Цзиньшу, как увидел, что тот, задыхаясь и кашляя, рвет, все тело дрожит.

— Я подлец! Я должен умереть! Я не человек!

Янь Чэн не ожидал, что после выпивки так потеряет контроль, видя, как лицо Сун Цзиньшу постепенно белеет, он в панике завернул его в одежду и взял на руки.

Служанки, не услышав больше звуков, набрались смелости и пошли к беседке. Только дойдя до поворота, увидели Янь Чэна, который нес кого-то и быстро шел во двор.

Два или три любопытных вытянули шеи, чтобы увидеть, кого он нес, но Янь Чэн ругательно прогнал их.

— Что смотрите! Идите позовите врача!

Служанки, боясь навлечь беду на себя, поклонились и побежали за ворота. Одна поскользнулась и упала, но, встав, даже не потирала ушиб, торопясь выбежать.

Сун Цзиньшу лежал в постели, лицо под тусклым светом свечей было почти прозрачным, ресницы беспокойно дрожали, следы на шее выглядели особенно ужасно.

Спустя полчаса врач с аптечкой вбежал в комнату. Служанки так спешили, что он подумал, будто старику Янь плохо, войдя же, увидел, что на кровати лежит маленькая жена Второго господина.

Те служанки не получив приказа, стояли на коленях во дворе, не смея шевелиться.

Шум во втором дворе потревожил Янь Чи, он накинул плащ и пошел сюда, увидев стоящих на коленях и плачущих служанок, голова разболелась.

— Что случилось во втором дворе? Почему посреди ночи стоите на коленях?

Та служанка плакала всхлипывая, увидев Янь Чи, заплакала еще громче, прерывисто рассказав ему о случившемся вечером.

<http://bllate.org/book/16689/1531854>